

ДИСКУССИЯ

УДК 910.1

Ю. В. Дворников

И СНОВА ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ И ПАССИОНАРНОСТИ

В статье анализируется гипотеза этногенеза Л. Н. Гумилёва с точки зрения её верифицируемости и возможности применения в исторических, географических и этнологических исследованиях. В отличие от большинства работ, посвящённых этой теме, основой для анализа являются законы элементарной логики и соответствие гипотезы этногенеза научным критериям. А главным объектом анализа являются не несоответствия конкретных исторических представлений Гумилёва представлениям критиков и не неопределённость понятия «пассионарность», а само основание гипотезы: представление о пассионарности и удельном весе пассионариев в этносе как движущей силе процесса развития этноса. Такой критический подход позволяет сделать автору вывод о неполном логическом обосновании гипотезы и об отсутствии серьёзной научной аргументации в пользу причинно-следственной связи, лежащей в её основании. При этом, учитывая значимость гипотезы Гумилёва для нашей географической и исторической науки, её общеизвестность, наглядность и образность, с которой изложены сложные процессы, проходящие в этносе при его развитии, автором предпринята попытка найти возможности для ограниченного применения гипотезы Л. Н. Гумилёва в географическом образовании и научных исследованиях при условии соответствующей корректировки положений, лежащих в её теоретической основе.

Ключевые слова: этногенез, этнология, пассионарность, Л. Н. Гумилёв.

Уважение к личности крупного учёного и его идеям не должно перерастать в некритическое почитание, при котором всякий человек, в чём-то не разделяющий точку зрения классика, не ссылающийся на его работы при разработке своей научной «деланки», становится своеобразной персоной нон грата для апологетов и эпигонов. Не так далеки от нас те времена, когда ни одна работа не могла обойтись без ссылки на классиков единственно-верного учения. К сожалению, именно подобная печальная участь, очевидно, постигла Льва Николаевича Гумилёва и его теорию (для удобства, в связи с довольно прочно устоявшейся отечественной традицией, будем в дальнейшем называть её так, хотя наверно правильнее было бы в данном случае определение «гипотеза») этногенеза и пассионарности. Автор благодарен уважаемому А. И. Истобаеву за давний эпизод на защите диссертации, в котором Анатолий Иванович, попеняв автору на неиспользование трудов Гумилёва в работе над диссертацией, упрекнул: «Не используете, не приемлите, так хоть объясните — почему?!». Целью данной статьи и является объяснение причин, по которым теория Гумилёва представляется автору малообоснованной и неработоспособной для историка или географа в том виде, в котором она сейчас существует.

Кривые, подобные по форме кривой, вычерченной Гумилёвым для иллюстрации своей теории («Изменение пассионарного напряжения этнической системы» [2, с. 339]), встречаются довольно часто. И они могут отражать совершенно разные явле-

ния, встречающиеся в природе вообще и в социуме в частности. Это колоколообразная кривая с более пологим правым основанием, в случае, если ось абсцисс отражает время, а ось ординат — отражаемый данной кривой признак, качество или явление. Как писал сам Гумилёв, «она хорошо известна кибернетикам как кривая, описывающая сгорание костра, взрыв порохового склада и увядание листа» [2, с. 340]. Главное, что аналогичными по форме кривыми описываются процессы развития популяций, аллопатрических подвидов и других ближайших аналогов этносов в животном мире. Разумеется, аналогичность не означает автоматическую гомологичность, но зачастую может служить точкой отправления для рассуждений. Скажем, крыло птицы и крыло насекомого, разумеется, имеют физиологически абсолютно разное происхождение, но служат одной цели — полёту.

С момента своего опубликования и по сей день теория Гумилёва подвергалась ожесточённой критике, но как представляется, аргументация критиков была либо неконкретной («это фантазии автора»), либо касалась частных деталей, не затрагивая основных положений («некорректность некоторых исторических примеров», «избирательность в приведении исторических примеров», «отсутствие физических доказательств пассионарности», «противоречивость даваемых одному и тому же явлению дефиниций в разных местах» и др. [3–5]. Вообще же критика гумилёвской концепции столь обширна, что появились обзорно-аналитические работы, её упорядочивающие и классифицирующие (помимо упорядочивания и классификации собственно гумилёвского наследия) [1]¹.

Подобные претензии к идеям Гумилёва, разумеется, вполне имеют право на существование. Более того, они необходимы для любой научной гипотезы, как необходимый элемент научной апробации. Но они не являются определяющими для оценки его идеи в целом.

От того, что критик найдёт противоречие в разных определениях этноса в разных местах книги, гипотеза или теория в целом только выиграет, поскольку избавится от шероховатостей, которые не успел убрать творец. Но на главный вопрос «А верна ли, собственно, гипотеза?» ответить можно, только подтвердив (или опровергнув) главные элементы, её составляющие. В случае с научными направлениями, могущими проверять свои предположения экспериментально, проверка осуществляется путём проведения соответствующих независимо поставленных опытов. Причём, в последнее двадцатилетие многие, казалось бы, безнадежно «неэкспериментальные» научные направления, получили возможность наглядно-экспериментального подтверждения (или опровержения) теоретических построений. Например, проведены успешные эксперименты по ускоренному видообразованию с моделированием эволюционного процесса, а о степени родства современного европеоида с неандертальцем или денисовцем стало возможно говорить математически точно.

Эти примеры показывают, что учёным никогда не стоит отчаиваться. Но ведь антропология и до получения в руки секвенированных геномов была наукой и строила фундаментальные теории на том фактологическом субстрате, который был доступен.

К сожалению, в настоящее время в нашем случае подтверждение или опровержение теоретических построений возможно только приведением соответствующих исторических примеров, либо использованием законов логики и указанием на их нарушение.

С историческими примерами есть одна существенная проблема — при наличии широкой эрудиции (а эрудиция Льва Николаевича просто феноменальна), приводить их можно в защиту практически любых положений. Поэтому единственным разумным способом указать на недостатки теоретических построений в данном случае представляется указание на логические противоречия².

Основой теоретических построений Гумилёва, как известно, являются:

А. Определение этноса по основополагающему признаку «стереотип поведения».

Б. Постулирование, а затем обоснование нелинейности развития этнических систем.

В. В частности и особенности — обоснование начальности и конечности этнической системы.

Г. Введение понятия пассионарности, как движущей силы этногенеза и этноразвития.

Д. Установление причинно-следственной связи между удельным весом пассионариев и степенью развитости этнической системы.

(При этом учтём, что знаменитые фазы этногенеза есть искусственно введённые для удобства анализа отрезки, на которые разбит непрерывный процесс).

«Критические стрелы», направляемые на теорию этногенеза, по большей части проходят мимо или легко отклоняются апологетами в сторону, поскольку направлены они на «развенчание», в основном, пунктов А и Г, между тем, как основополагающим пунктом, очевидно, является пункт Д.

Сложно не согласиться, например, с таким мнением: «определения этноса, густо рассыпанные по основным произведениям Гумилёва, вызывают лишь недоумение. И не потому, что иному читателю заключённое в них понимание этноса может показаться небесспорным, а потому, что слишком часто одно из них совершенно не согласуется с другим» [5, с. 8]. Но, если даже оставить только одно определение, удовлетворяющее критика по всем параметрам, то это никак не повлияет на то, каковы в действительности или в гипотетической модели причины развития этноса.

Не отрицая важность обоснованной критики по поводу любых слабых мест любой теории, в данной статье хотелось бы коснуться «замкового камня» гумилёвской теории.

Для любой гипотезы, тем более — претендующей на теорию, главным является **определение причинно-следственной связи** наблюдаемых и описываемых явлений. Предмет исследования должен быть не просто описан, но определён, как следствие некоторой причины, являющейся движущей силой его появления и/или развития.

Именно **зависимость процесса развития этноса от удельного веса пассионариев** в нём и должна быть основной мишенью для добросовестных критиков. В противном случае критик уподобляется инженеру Дженкину, которому удалось сильно «испортить жизнь» Дарвину («кошмар Дженкина»), просто в силу того, что на момент опубликования Дарвиным «Происхождения видов» (1859 г.) ещё не были известны генетические законы наследственности. (Ведь и в нашем случае можно предположить, что просто в данный момент неизвестны физические и, в частности, генетические законы возникновения пассионарности как явления, но это будет сделано в дальнейшем). Но с переоткрытием и введением в научную среду Морганом законов Менделя (1901 г.), теория Дарвина получила блестящее подтверждение и стала

основой синтетической теории эволюции, являющейся сегодня общепризнанной в научном сообществе. (Точно так же для критика самой пассионарности, как явления, можно было бы предположить, что с определением «гена» пассионарности возражений против теории Гумилёва уже не останется, но это как раз не так).

Поэтому, я и считаю нужным высказать свои сомнения по поводу в первую очередь *логичности* предложенных Гумилёвым зависимостей.

По хорошо известным ещё со времён Аристотеля законам логики, в любой системе «причина-следствие» должно быть очевидно доказанное однонаправленное взаимодействие явления (признака) А на явление (признак) Б. И, соответственно, изменение причины (А) влечёт за собой изменение следствия (Б).

В нашем случае, при всей кажущейся сложности, основой являются всего два явления. Остановимся на них поподробнее.

Пассионарность, выдвигаемая на первый план, важна для Гумилёва не сама по себе. Важен именно удельный вес людей, обладающих этим свойством в этносе. Гумилёв, подробно описывая фазы развития этноса, особо оговаривает роль, которую играют пассионарии в той или иной фазе. Собственно, само рождение этноса начинается с пассионарного толчка. Вся дальнейшая жизнь этноса ставится в прямую зависимость от процентного содержания пассионариев в нём. И история (понимаемая как поступательное системное развитие) этноса заканчивается с физическим исчезновением пассионариев. В простом (очищенном от подробностей, ненужных в данном случае) виде основополагающая идея может быть изображена в виде простейшей схемы:

Все остальные построения являются уже следствиями этой, в общем, несложной мысли. При изменении абсолютной и относительной численности пассионариев изменяется степень их влияния и все императивы этноса, что и является движущей силой этнического развития.

Поскольку производится попытка введения в научный обиход нового понятия, причём, понятия ключевого в рамках новой теории, у читателя неизбежно возникает три основных вопроса:

1. О физической природе пассионарности. На нём, по указанным выше причинам, я подробно останавливаться не буду. Отмечу только, что и сам Лев Николаевич ощущал эту проблему как слабое место, ведь именно с этим связана «трудность — не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность» [2, с. 337], трудность, которую Гумилёв попытался преодолеть путём довольно нескладных, на наш взгляд, рассуждений. Впрочем, как самостоятельная научная проблема для генетиков, социологов, психологов, астрономов и пр. это очень интересно. Представляется вполне возможным нахождение некоего физического фактора, коренным образом меняющего поведение людей в сторону, противоположную комплексу инстинктов, направленных на самосохранение индивидов. (Попутно отмечу, что вполне логично было бы ожидать нахождение пассионарности и фактора её вызывающего и среди животных, во всяком случае — высших).

2. Обоснованность обозначения удельного веса пассионариев как важного фактора процесса этнического развития. К сожалению, следует признать ту аргументацию, которую приводит Гумилёв в защиту своего новообретённого «фактора икс», как движущей силы этнического развития, весьма слабой. «Чтобы убедиться, что нами обнаружена именно та величина, которая является импульсом этногенеза, мы должны показать, что при учёте её укладываются в одну схему три отмеченные выше классификации: а) этнологическая, учитывающая деление на «антиэгоистов» и «эгоистов»; б) географическая, описывающая отношение к ландшафту и с) историческая, характеризующая закономерное умирание этнического сообщества, прошедшего фазы подъёма и упадка. Совпадение трёх линий корректирует правильность предложенной концепции и раскрытия «фактора икс»» [2, с. 226], справедливо пишет Гумилёв. Но затем начинает приводить многочисленные исторические примеры, которые, как уже указывалось, к сожалению, не могут ничего доказать.

3. Обоснованность направления стрелки в обозначении причинно-следственной связи между двумя явлениями, т. е. признания удельного веса пассионариев в этносе движущей силой процесса этнического развития и импульсом, дающим начало этногенезу. Именно этот вопрос и является краеугольным камнем. И именно здесь, как будет показано ниже, Гумилёв совершает логическую ошибку, ставящую под сомнение справедливость его теоретических построений.

Допустим на секунду, для удобства, что «ген пассионарности» наконец найден. Изменится ли от этого важность обоснования того, что именно такова причинно-следственная связь, как её обозначает автор теории?

Зачастую, эмпирик, наблюдая два явления сразу, рискует впасть в заблуждение. В силу того, что два явления изменяют свои параметры практически одновременно, исследователю (особенно исследователю процессов, длящихся исторические отрезки времени) легко перепутать НАПРАВЛЕНИЯ причинно-следственной связи. И в первую очередь это касается явлений, невозможных к непосредственному измерению или регистрации.

В известной детской загадке «Почему дует ветер?» ответ «Потому что деревья качают ветками» кажется очевидно неверным только человеку, уже обладающему определённым жизненным опытом, но не ребёнку. Ребёнок, видя два явления, протекающих для него одновременно, имеет равные основания для присвоения литер А и Б и качающимся веткам деревьев и ветру. И только узнав об истинных причинах возникновения ветра, с одной стороны, и отсутствии возможности подобных самостоятельных движений для деревьев, с другой стороны, т. е. приобретя необходимые дополнительные знания о предмете исследования, ребёнок сделает правильный вывод.

Кроме того, продолжая использованную аналогию с теорией эволюции жизни, можно вспомнить по-своему логичную и изящную теорию Ламарка, в которой многое было хорошо, ново и интересно, кроме главного: движущей силой эволюционного процесса Ламарк считал «упражнение органов», что и оставило Ламарка вне научного мейнстрима.

Как представляется, обе эти ошибки (и «детскую», и «ламарковскую») и совершил Гумилёв.

На момент опубликования основополагающей работы «Этногенез и биосфера Земли» столь разработанных и обоснованных теорий развития этнических систем

попросту не существовало. Разумеется, Гумилёв начал работу не на пустом месте (он, в частности, довольно большое место уделяет весьма ядовитой критике предшественников). Но в целом можно сказать, что в данном случае Гумилёв выступил как истинный первопроходец.

Будучи во многом пионером, первооткрывателем, войдя в доселе неизведанное научное пространство, он скрупулёзно, подробно и добросовестно обрисовал и структурировал два взаимозависимых явления: А) изменение удельного веса страстных людей в этносах и Б) системное развитие этносов, но ошибся в главном, **в направлении стрелки, иллюстрирующей зависимость между ними.**

А эта ошибка, в свою очередь, произошла из ещё более общей ошибки (которая для человека, работающего на стыке истории, географии и биологии, и, более того, постоянно это подчёркивающего, довольно неожиданна). В самом начале своей работы Гумилёв критикует подход к определению этноса, как сугубо человеческого явления. И это совершенно справедливо. «Этнос — это феномен биосферы», «Этнос — не общество» [2, с. 50]. Но фактически в теории Гумилёва развитие этноса полагается подверженным закономерностям, отличным от развития любой другой природной системы. И, соответственно, для объяснения причин, порождающих развитие социума, привлекается «бог из машины» в виде некоего особого признака, присущего **только человеку**, и обуславливающего развитие специфической системы человеческих особей.

Если же **реально** учесть тот факт, что человек и любая группа людей — это часть природы, подчиняющаяся в первую очередь общеприродным закономерностям, то форму кривой этноразвития, сходную с кривой роста и падения, скажем, численности кроликов, впервые попавших в Австралию или биомассы элодеи, завезенной в водоёмы Европы, уже нелогично будет объяснять простой аналогией.

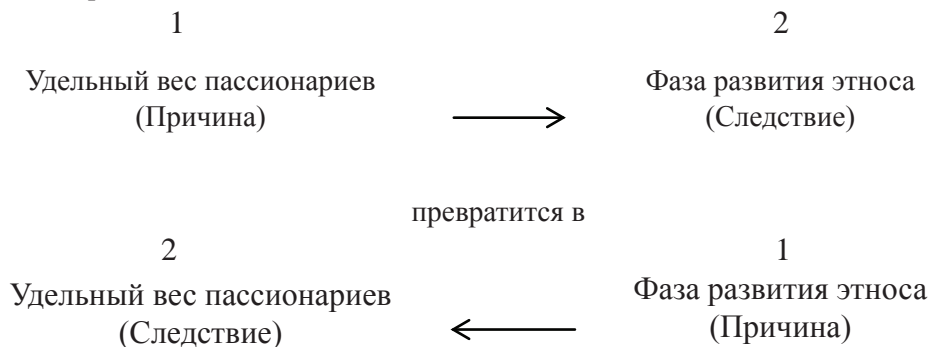
Любое развитие любой популяции или аллопатрического подвида будет весьма схожим с развитием этноса. Это и понятно. Принципиальное отличие человека от животных и растений для планеты **только количественное**, а именно: работа, производимая человеком, неизмеримо больше работы, производимой другими живыми организмами. Поэтому нет необходимости искать какой-то принципиально иной механизм развития сообществ *Homo sapiens* относительно других видов живой природы. Гораздо логичнее признать наличие общих закономерностей в этногенезе и рождении и развитии любой другой природной системы. И, если кроличьей популяции удастся пройти тот же самый путь, что и этносу, то это показывает необходимость поиска движущей силы обоих процессов в **едином** законе развития сложных живых (а возможно, и неживых) систем.

Хотелось бы подчеркнуть, что автор не пытается вообще исключить из зоны научного рассмотрения пассионарность, как явление, коррелирующее с этногенезом. Наличие страстных людей — это очевидная данность, отрицать которую бессмысленно и не нужно. Другой вопрос, что, не являясь причиной этногенеза, тем не менее, пассионарность относительно легко поддается ретроспективному и текущему наблюдению. Тем самым она может стать хорошим маркером, своего рода «термометром» при измерении степени этнического развития. Во всяком случае, автору не известно ничего более удобного для этой цели.

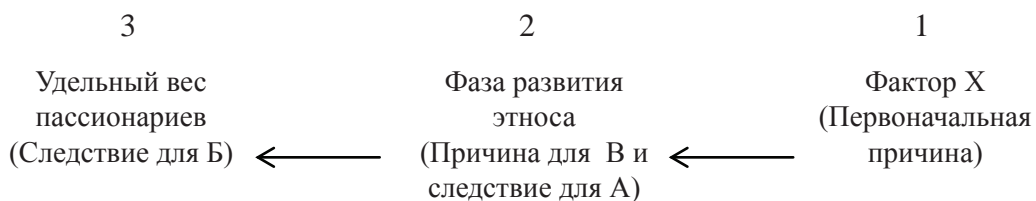
Этническая система, развиваясь по **общеприродным** закономерностям, на каждой новой ступени своего развития обуславливает совершенно разные условия для

составляющих её людей. На этапе бурного начального развития нужны люди, соответствующие этому процессу, и именно они выдвигаются на первый план. После прохождения пика, система перестает нуждаться в революционерах, первооткрывателях, героях и т. д., и эти люди, перестав вписываться в систему, изгоняются из неё разными путями.

В таком случае, удельный вес пассионариев в этносе это СЛЕДСТВИЕ (а не причина) нахождения этноса в соответствующей фазе своего развития, могущее наглядно и достаточно (в той мере, в какой это вообще возможно при работе с историческим субстратом) точно иллюстрировать эту фазу. И причинно-следственная схема из вышеприведенного вида

А причины этногенеза следует искать в принципиально иных общеприродных сферах, и, учитывая это, в окончательном виде схема приобретает следующий вид:

Таким образом, пассионарность и удельный вес пассионариев отнюдь не отвергается, но существенно корректируется и «понижается в классе». Из основополагающего фактора, главного движителя истории этносов, пассионарность превращается в наглядную иллюстрацию (точнее иллюстрации). И, наблюдая эти иллюстрации, и научным исследователям, и людям другого уровня погружённости в науку (студентам, школьникам) будет намного проще и нагляднее изучать весь сложный материал, связанный с процессами, происходящими в этносах.

А Лев Николаевич Гумилёв из революционера и основателя новой научной школы превращается в того, кем он и был на самом деле – талантливейшего популяризатора истории и географии, литератора высокого уровня и систематизатора в этнологии.

Основываясь на вышеизложенных соображениях, считаем весьма полезным при упомянутой корректировке теоретические построения Гумилёва использовать как в истории, так и в гуманитарной географии (особенно, кстати, в преподавании) в

качестве удобной наглядной *модели, иллюстрирующей этногенез, но не объясняющей его причины.*

Разумеется, для того, чтобы считать схему совершенно окончательной, необходимо в квадрат 1 на место фактора X вставить нечто конкретное. Автор данной статьи вынужден признать, что на данный момент не может похвастать подобным прорывом в науке. Но всё же, при зрелом рассуждении, можно предложить принципиальные подходы и направления поисков. Главное здесь, как уже отмечалось, не отделять человеческие системы и их развитие от любых других природных систем. Ведь общеизвестно даже на бытовом уровне, что при наличии ресурса, т. е. возможности к развитию, любая система этой возможностью воспользуется и начнёт усложняться. Но любое усложнение не может идти бесконечно, поскольку не бесконечен ресурс. Наступает такой момент, когда система начинает сохранять себя и уже созданные структуры внутри себя, что в итоге приводит к спаду в развитии и его внешних проявлений.

В предлагаемой ниже таблице приводится попытка короткого и наглядного формулирования элементов теории Гумилёва и причин согласия и несогласия с ними автора настоящей статьи.

Элемент теории	Согласие/частичное согласие/несогласие	Краткое обоснование несогласия
Наличие начальной точки и окончания процесса этнического развития	Согласие	
Процесс этнического развития, описываемый колоколообразной кривой	Согласие	
Наличие пассионарности, как таковой	Частичное согласие	Не доказано. Гумилёв выводит явление из следствий, им производимых, но эти следствия можно объяснить с той же степенью правдоподобности и другими явлениями
Наличие фаз этногенеза, описанных Гумилёвым	Частичное согласие	Поскольку на фазы делится непрерывный процесс, количество и отличительные признаки фаз зависят от взгляда исследователя (в принципе, деление, предложенное Гумилёвым, удобно, обосновано, общеизвестно, в связи с чем вряд ли имеет смысл «изобретать велосипед»)
Тесная связь этногенеза с характером вмещающего ландшафта	Согласие	

Рассмотрение этнического развития как процесса, принципиально неотличающегося от процессов развития других сложных систем природы	Согласие	
Признание пассионарности движущей силой этногенеза и этноразвития	Несогласие	1. Противоречит предыдущей строке данной таблицы, т. к. выводит этническое развитие «за скобки» биосферы и протекающих в ней процессов. 2. Противоречит общенаучному принципу «бритвы Оккама», усложняя, а не упрощая объяснение исследуемого явления
Определение этноса по основополагающему признаку «стереотип поведения»	Частичное согласие	По большому счёту этот признак столь же уязвим для критики, как и признаки, скажем, сталинского определения

Литература

1. Воронович А. В. История издания монографий Л. Н. Гумилева, посвященных пассионарной теории этногенеза // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 34–47.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Гидрометеиздат, 1990.
3. Лурье Я. К истории одной дискуссии // История СССР, 1990, № 4. С. 128–132.
4. Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства») // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 156–158.
5. Шницерман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилёв: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.

Об авторе

Дворников Юрий Валериевич — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, С.-Петербург, Россия.

E-mail: dvo-juri@yandex.ru

Y. Dvornikov

AND AGAIN ABOUT THE ETHNOGENY AND PASSIONARITY

The article reviews the ethnogeny hypothesis of L. N. Gumilev from the standpoint of its verifiability and opportunity to use it in the historical, geographical and ethnological investigations. In contrast to most publications on this theme, the basis for the analysis is the laws of elementary logic and compliance hypothesis of ethnogeny to scientific criteria. The main focus of the analysis is not discrepancy of specific historical perceptions of Gumilev to critics views and not vagueness of the concept of «passionarity», but the foundation of the hypothesis: the idea of passionarity and the relative weight of passionaries in ethnos as the driving force behind the process of ethnos development. This critical approach

allows the author to draw a conclusion about incomplete rationale hypothesis and the absence of serious scientific argumentation in favor of causality in its basis. However, giving the significance of Gumilev hypothesis for our geographical and historical science, its universal acceptance, visualization and imagery, which outlines the complex processes taking place in the ethnos development, the author tries to find opportunities for limited use of the hypothesis of L. N. Gumilev in geographic education and scientific research under appropriate adjustment conditions, lying in its theoretical basis.

Key words: *ethnogeny, ethnology, passionarity, L. N. Gumilev.*

About the author

Dr **Yuri Dvornikov**, Associate Professor, Department of Economic Geography, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: dvo-juri@yandex.ru

Примечания

- ¹ Самым недобросовестным типом критики является не критика теории, а критика с личностных позиций автора теории. В нашем случае это делается с упором на лагерное прошлое Льва Николаевича или его мнимый антисемитизм. Подобных критиков упоминать представляется просто бессмысленным: очевидно, что даже при наличии каких-либо оснований для очернения личности автора теории, это никоим образом не может поколебать обоснованность самой теории.
- ² Отдельно хочется отметить два факта, которые не являются определяющими, но также наводят на определённые размышления. Во-первых, несмотря на обширную отечественную литературу, посвящённую теории Гумилёва, практически отсутствуют работы, **основанные** на ней, пользующиеся ей как инструментом или базой. И, во-вторых, в зарубежной науке эта теория осталась по большому счёту вообще незамеченной.